

ЗАСЛОН

Литрес

Квантовая Одиссея

Черный Июль

Июль Чёрный

Квантовая Одиссея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69288775

SelfPub; 2023

Аннотация

Неопределенное будущее. В научно-исследовательской лаборатории, где подробно изучаются квантовые эффекты и парадоксы, ученые разрабатывают некий проект "Антихаос". Подразумевается, что "Антихаос" должен вывести человечество на принципиально новый уровень, сделать суперпозицию макрообъектов наглядно статичной, а также побороть декогеренцию, обуславливающую весь существующий хаос Вселенной. После первого же эксперимента выясняется, что "Антихаос" прекрасно работает. Вот только не совсем так, как того ожидали ученые... Поэтому одному из тестировщиков лаборатории – Елисею Садко предстоит доставить проект из одной части комплекса в другую, наиболее подходящую для аналитики работы Антихаоса по техническому оснащению. От одного корпуса до другого – всего шесть километров. От точки отсчета пути Елисея до вероятного разрушения целостности мироздания – всего шесть минут...

Июль Чёрный

Квантовая Одиссея

*Почему Вселенная такова, какой мы ее видим?
Ответ прост: оказалась она другой, нас бы здесь не
было!*

(с) Стивен Хокинг

«Кратчайшая история времени»

– Предупреждаю, Садко, то, что ты сейчас увидишь... – Алена тревожно переглянулась с мрачным, как туча Преображенским и снова повернулась к Елисею. – Может слегка... шокировать.

– Мы же над квантовыми технологиями работаем, а не над селекцией каких-нибудь рыбо-кроликов мутантов, что у вас там такого стряслось? – Садко издал довольно-таки безрадостный смешок. Тот факт, что его выдернули в комплекс прямо посреди ночи, не особо способствовал позитивному настрою, однако по старой своей компанейской привычке Елисей все же пытался сгладить суровую сосредоточенность Александра Преображенского и нервическую обеспокоенность Алены Шех собственным делано-небрежным легкомыслием.

На его вопрос никто не ответил.

– Все же рыбо-кроликов мутантов? – Садко сунул руки в карманы, сделав вид, что споткнулся, и таким образом су-

мев заглянуть в бледное невыспавшееся лицо миниатюрной Алены. Та даже из вежливости не улыбнулась. А Преображенский басовито прогудел:

– Посерьезнее, Елисей Аркадьевич.

Стоило признать, обстановка вокруг царила такая, будто на полигоне кого-то стремянкой пришибло. Свет ярко горел почти в каждом из кабинетов и лабораторий, люди в униформе и белых халатах сновали по подсвеченным светодиодами переходам и коридорам с небывалой сосредоточенностью, у некоторых в глазах светились нейрокомпьютерные линзы. Похоже, эти специалисты предпочитали прямо на ходу анализировать полученные от других коллег данные.

Буквально сразу, как только Садко в компании своих учебных конвоиров поднялся на заветный этаж, к ним подбежал какой-то лопоухий рыжеволосый парнишка с бейджем РКЦ¹, сунул в руки Преображенского планшет с документацией и кинулся в лифт по другую сторону от стойки с кнопкой вызова. За ним в кабину почти сразу влетел не менее панически настроенный МФТИ-шник², и двери лифта бесшумно сомкнулись, едва не прищемив полы его эпически взметнувшегося халата.

– Святы-ые угодники, кто-нибудь объяснит мне, что тут происходит? – не выдержал, наконец, Садко, поочередно смеряя взглядом сначала Алену, а затем Александра.

– Саша, что там? – спросила девушка, голос ее чуть дрожал от напряжения. Преображенский, мрачно сдвинув тем-

ные густые брови, изучал содержимое планшета. Елисея они почему-то упорно игнорировали, будто бы до последнего не желая посвящать его в суть ситуации.

– Если кратко, то пока систему удастся поддерживать в стабильном состоянии, – ответил Александр, бросая на Алену короткий взгляд беспокойных и черных, как две капли кипящей смолы глаз.

Мимо бодро проскакала группка из четырех сотрудников, двое из которых были одеты в кипенно-белые халаты обитателей лабораторий, а двое других в характерные красно-серые комбинезоны тестировщиков. У всех на спине красовался до боли знакомый логотип с шестеренкой и надпись, выбитая на ткани крупными печатными буквами – «ЗАСЛОН». От всех ЗАСЛОН-щиков так щедро разлило кофе, что даже все еще немного сонный Елисей протрезвел. Он, к слову, собрался уж было окликнуть своих приятелей по цеху, чтобы выяснить причину суматохи у них, но тут его под локоток «нежно» развернул двухметровый, решительный, как атомный ледокол Преображенский. Алена в силу своих физических возможностей могла развернуть разве что кадку с напольным цветком, поэтому просто повисла у него на руке с другой стороны.

– Садко, идем, идем...

– Пройдемте, Елисей Аркадьич.

– Товарищи, мне кто-нибудь что-нибудь объяснит или нет? – мужчина уже больше не скрывал растущего в геомет-

рической прогрессии раздражения, но все равно шагал, куда следовало, уверенно увлекаемый своими сопровождающими к автоматическим дверям в самом конце коридора.

– Да ты не переживай, сейчас увидишь результат наших долгих трудов и все поймешь...

Увещательный тон Шех сразу перерубило сумрачно-саркастичное высказывание Александра:

– Ага. Потом ты будешь задавать нам очень много вопросов, а мы будем на них отвечать. После чего ты приступишь к своим прямым обязанностям. Такой вот гороскопчик на день грядущий. Не благодари.

– Как скажете, Демон Лапласа³, – фыркнул Елисей, высвобождаясь из крепкой лапищи Преображенского, при этом галантно позволяя пальчикам Алены по-прежнему цепко держаться за рукав его куртки, хотя это вообще-то мешало ему нормально идти.

– Антихаос начал чудить? – в этот раз абсолютно серьезно поинтересовался Садко, и, судя по тому, как переглянулись между собой ученые (в который раз!), попал прямиком в яблочко. – Неужели в эксперименте с живым макрообъектом что-то получилось?

Елисей слегка ошалело тряхнул копной непослушных кудрей и выжидательно уставился на Алену, поскольку та всегда была чуть более расположена к диалогу, нежели угрюмый Александр.

– Ох, Леся... дотерпи, мы ведь уже почти пришли. По-

верь, в данном случае куда проще показать, чем рассказать.

Все трое вошли в небольшой шлюз метров пяти в длину, столь тщательно просвеченный ультрафиолетовыми лампами со всех возможных сторон, что Садко на одно короткое мгновение натурально ослеп. Вышел из шлюза он как всегда, очумело моргая, словно выброшенный на берег илистый попрыгун, и недовольно потирая глаза.

– Все никак не привыкнешь? – улыбнулась Алена.

– Сетчатка глаз – самая чувствительная часть моего тела, – вяло отшутился Елисей, впрочем, почти сразу сосредотачиваясь и переключая все свое внимание на огромное панорамное стекло, через которое отлично просматривался расположившийся за ним, тщательно изолированный от внешнего мира, бокс.

– Ну... – Шех явно попыталась придумать хотя бы краткое описание того, что творилось за этим самым стеклом, но не смогла, поэтому просто неловко махнула рукой в сторону установленного за ним экспериментального проекта и выдала неуклюжее, – ...вот. Взгляни.

Садко охотно последовал совету коллеги, однако поскольку практически мгновенно лишился дара речи от увиденного, следующие три минуты жизни все дружно провели в гнетущем молчании.

– А... – он повернулся к Алене и Александру, совершенно по-дурацки приоткрывая рот, и скомкано поводя ладонью по воздуху, как бы привлекая их коллективное внима-

ние к проекту «Антихаос», мирно источавшему за его спиной призрачный голубоватый свет. Впрочем, в этом не было совершенно никакой нужды, коллеги и без того смотрели ему за спину с куда большей заинтересованностью, нежели на самого Садко.

– ...Это...

Преображенский с видом полным безграничного терпения поднял брови. Алена ожидаемо сжалась над бедным Елисеем и вежливо уточнила в ожидании полноценного вопроса:

– Да?

– Какого черта их пять?! – разродился-таки тот, округляя и без того немаленькие прозрачные, словно стекла глаза. – И почему...?

Описать это самое «почему» действительно было непросто, поэтому никто из коллег Садко за неловкую паузу не упрекнул. В боксе помимо многогранного, подключенного к множеству кабелей объекта (того самого «Антихаоса»), находилось нечто вроде статичной платформы на которой в изолированной среде под плотным стеклянным колпаком в добром здравии пребывала главная испытываемая проекта. Обыкновенная *Adalia Bipunctata* – простым языком, широко известная рядовому обывателю, божья коровка. Именно на ней предполагалось тестировать первый в мире эксперимент с удержанием живого макрообъекта в наглядном состоянии суперпозиции.

Стоило сказать, за все то время, что божья коровка провела в лаборатории под наблюдением научно-исследовательской группы, ученые даже несколько прикипели к ней, окрестили Ларисой и заботливо подкармливали тлей два раза в день. Кто-то даже шутил, что ей, поди, довольно грустно одной, и будет не лишним в случае удачного исхода эксперимента отыскать ей кого-нибудь для компании. Вот только теперь в этом плане, пожалуй, более не было никакого резона. А все потому, что отныне за панорамным стеклом Лариса находилась не одна...

В белоснежном, залитом холодным светом люминесцентных ламп боксе сидело, по меньшей мере, целых пять Ларис. Как и располагалось пять платформ, на которых все эти Ларисы занимались своими важными ларисовскими делами. Вот только выглядело это так, словно материальная действительность внутри комнаты надломилась, подобно хрупкому стеклу и пошла трещинами, немилостиво рассекая координаты трехмерного пространства, свет, время, Ларису и экспериментальную платформу, служившую ей временным домом, на пять отдельных частей. Как будто некие высшие силы смогли воссоздать гигантский калейдоскоп и позволили человечеству ненадолго заглянуть в него, дабы оно смогло лицезреть, как будет выглядеть жизнь крошечной божьей коровки, расщепленная на несколько вероятностей.

– Так это... – не без труда обуздавший эмоции Елисей шагнул назад, почти заставляя себя отвернуться от увиден-

ного. – Но разве... результат должен был быть таким? Я думал... основная задача Антихаоса – фиксировать состояние суперпозиции?

– Да он и сам в ней, – пожал плечами Александр.

Теперь уже настала очередь Садко выразительно поднимать брови. Алена же настолько обалдела от этого заявления, что даже принялась нашаривать в кармане халата очки (она была слегка близорука), видимо, для того, чтобы лично убедиться в том, что у Преображенского лицо сумасшедшего.

– Это величайший провал и величайшая победа одновременно, – без тени улыбки вздохнул Александр, указывая планшетом куда-то в недры экспериментального бокса.

– Господи, Саша, ты что? От Садко опылился любовью к неуместным шуточкам? – Шех сердито нацепила на нос очки в тяжелой изумрудной оправе и сразу сделалась похожей на гигантскую стрекозу. Елисей одобрительно похлопал Преображенского по плечу. Тот не просто стерпел панибратство, но даже губы подковкой выгнул, мол, да, могу, умею, притом неплохо. Обстановка немного разрядилась.

– Итак. Давайте же вернемся к нашим... Ларисам. Мне бы на самом деле хотелось узнать, почему в срочном порядке вызвали именно меня. То есть, вы не подумайте... Прорыв в науке! Вау! Каким бы ни был результат, это реально здорово, вот только... я тестировщик. И в научно-исследовательскую группу непосредственно не вхожу, так что...

– Мы сейчас все объясним, – заверила Садко девушка. –

Для тебя есть одно ответственное задание. Я бы даже сказала...

Она ненароком запнулась, тщательно подбирая слова.

– ...сказала бы... Очень ответственное.

– «Антихаос» необходимо перевезти в восточное Кошачье Ухо, – коротко и прямо припечатал Преображенский. Алена возмущенно зыркнула на него, сердито округляя глаза, она-то собиралась сообщить Елисею о предстоящем задании как можно аккуратнее.

– Перевезти?

– Точно.

– Ты не подумай, мы все предусмотрели! Это совершенно безопасно! – горячо заверила его Алена, каким-то совершенно невозможным образом оттесняя своим хрупким плечиком скалоподобного Александра.

– Да вы не подумайте, – Елисей чуть озадаченно нахмурился, машинально запуская пятерню в волосы. – Я совершенно не против. Просто если мне не изменяет память, в прошлый раз «Антихаос» со всеми необходимыми ему блоками питания, кабелями и панелями перевозили в фуре и с целой группой поддержки, которая следила за сохранностью всех этих высокотехнологичных потрохов на протяжении всего пути.

– В этот раз так, к сожалению, не получится, – возразила девушка, заметно помрачнев. – Более того, его пока ни в каком случае нельзя отключать. Мы...

Алена бросила опасливый взгляд за стекло.

– ...должны сначала выяснить, что же пошло не так. Но... для полного и немедленного анализа нам нужна более оснащенная лаборатория. Знаю, ты хочешь сказать, что гораздо логичнее было бы переместить все необходимое из восточного Кошач... Восточного Парусника сюда, я бы тоже так подумала на твоём месте. Но, к сожалению, большая часть необходимых нам модулей и камер статична. Их никак нельзя транспортировать, – безрадостно предвосхитила она предложение Елисея, едва тот успел открыть рот.

– Ладно, ладно, – мужчина выставил перед собой ладонь, будто хотел отгородиться от всех этих организационных условностей. Некоторое время он сосредоточенно смотрел под ноги с непривычно серьезным для себя обычного выражением лица. А оба физика смотрели в свою очередь на него, причем с таким видом, будто Садко предстояло совершить самопожертвование, прыгнув в пасть древнего чудища во имя всеобщего блага.

– Так... вы же знаете, как его отсоединить, верно? Все легче будет, наверное, чем собирать шкаф из ИКЕИ, – Елисей воровато взглянул на них исподлобья через тонкие спадающие на глаза колечки кудрей. И вновь как будто стал прежним.

Алена и Александр переглянулись.

– А почему сразу не могли разместить «Антихаос» в восточной части комплекса? – справедливо поинтересовался Садко, когда они все дружно спускались вниз к подземной автопарковке.

– Ох, Леся, потому что «Антихаос» не единственный проект, который ведет наше квантовое трио, – вздохнула Алена. Под «квантовым трио» она привычно подразумевала научный симбиоз Московского физико-технического института, курировавшего все теоретические аспекты проектов подобных Разуму 66 или Антихаосу, Российского квантового центра, который делал основной упор на прикладное изучение квантовой физики и квантовой механики, а также научно-технический центр «ЗАСЛОН», занимающийся поставкой и тестированием необходимого оборудования.

– И все разрабатывающие подобные проекты научно-исследовательские группы ожидаемо конкурируют между собой, – задумчиво заключил Преображенский, широко вышагивающий по правую руку от Садко.

Целая ватага специалистов, успешно закончившая демонтаж несущей части пугающего вида многогранника, который и являлся сердцем того самого Антихаоса, погрузила проект в транспортировочную камеру из бронированного стекла, подключила к блокам временного питания, стабилизатору

рам и теперь тащила по пятам за Елисеем и его приятелями. Причем тащили всего двое, остальные просто шагали следом по несколько притихшим этажам то ли из чистого любопытства, то ли потому что сильно переживали за сохранность прибора и готовились ловить его, если коллеги вдруг поскользнуться на только что вымытом техничкой полу. Со стороны они все напоминали эдакую футуристичную процессию, несущую сияющий гроб.

– Я-а-асно, – закатил глаза Елисей, приподнимая уголки губ. – Скажете, когда уже можно будет делать ставки на то, кто победит. Вы или умники с Разумом.

– Если ты доставишь нашу прелесть в целости и сохранности, то мы однозначно чемпионы, – улыбнулась Алена.

– Мне бы твою уверенность, – замогильным голосом отозвался Александр.

– Ой, да ладно вам, Александр Константинович! – подчеркнуто официально обратилась к нему девушка, не скрывая в целом звенящей иронии в голосе. – Не будьте таким пессимистом. Пока все идет по плану.

– Как в песне Летова?

– А как же впечатляющее клонирование Ларисы? – не удержался Елисей.

– Ну, это конечно не совсем по плану, – Шех смешно наморщила маленький веснушчатый нос и сощурилась. – И совсем не клонирование. Но как прорыв...

– Кстати, как она?

– Кто?

– Ну-у, Лариса, – Садко махнул рукой куда-то вверх, как если бы любимица всего Западного Парусника летела с ними рядом за компанию. – Там же эта жуткая композиция из пяти полувидимых, полуневидимых платформ, которые растут из разлома в пространстве, как какой-нибудь ветвистый сорняк из трещины в асфальте.

– Система с изучаемым объектом была сжата и помещена в камеру вместе с Антихаосом. Бокс удалось вернуть в нормальное состояние. Точнее... он сам в него вернулся после того, как колпак с божьей коровкой внутри оттуда изъяли.

– Погодите, погодите... – Садко от удивления даже затормозил, машинально оглянувшись на толпу ученых и техработников позади себя, которые до этого бодро о чем-то переговаривались между собой, но вмиг притихли, стоило ему к ним повернуться. – То есть... вы хотите сказать... что я повезу этот мультивселенский кошмар с собой?!

– Верно, – с мрачной саркастичностью кивнул Преображенский. – Все пять Ларис.

– Леся, если его немедленно не доставить в оснащенную необходимым количеством стабилизаторов и транзисторов лабораторию, система может выйти из-под контроля.

– А если она выйдет из-под контроля прямо в дороге?

Повисла напряженная пауза.

– Мы сделали все от нас зависящее, чтобы этого не произошло, – наконец, заверила его Шех, так и не получив зри-

тельной поддержки от Александра.

Садко с раздраженным вздохом потер лоб, и они возобновили движение.

– К черту... божьи коровки ведь приносят удачу, да? А там их теперь аж пять штук... – пытаюсь хоть немного остудить накалившуюся меж ними троими атмосферу, принялся рассуждать Елисей. По выражению лица Преображенского он понял, что тот совершенно не одобряет риск, на который им приходилось идти.

– Точно, – приподняла уголок губ Алена, хоть полноценную улыбку выдавить из себя так и не смогла.

Они вошли в лифт, ведущий на подземную парковку.

– Ну, раз у нас есть еще немного времени до отбытия, может, удовлетворите мое любопытство и расскажете, почему эта ваша «система» так странно выглядела?

Кабина медленно опускалась под землю, но Садко этого даже не ощущал. Когда лифт тихо звякнул при остановке, и металлические двери бесшумно разъехались в стороны, являя его взору гигантскую бетонную коробку, нашпигованную корпоративными (и не только) тачками, у Елисея даже немного живот подвело от волнения.

– Ты имеешь в виду сюрреалистичную композицию из пяти Ларис? – первым с ним на эту тему заговорил Александр, что сильно поразило Садко, хоть виду он и не подал.

– И платформ.

– Ну, с принципом суперпозиции, я надеюсь, ты хорошо

знаком.

– Издеваешься? – фыркнул Елисей. – Да про этого не то живого, не то мертвого кота всем семиклассникам затирать начинают, едва они только порог кабинета физики переступают.

– Хорошо. А что такое волновая функция знаешь?

– Это что, экзамен? – съехидничал Садко, но на вопрос все же ответил. – Комплексозначная функция, некое уравнение, описывающее состояние чистой системы.

Он ненадолго призадумался, затем оценивающе покосился на Преображенского, и в момент, когда тот явно собрался задать ему очередной вопрос, смело предположил:

– Если мысленно применить ее на Ларису, то для нее она, вероятно, возникла в момент появления на свет личиночного яйца, не успевшего еще столкнуться с внешней средой, и описывает все возможные дальнейшие действия и бездействия Ларисы: где была, кого повстречала, какие планы.

– Неплохо, – резюмировал тот. – Я, правда, еще бы добавил от себя, что для Ларисы она возникла в ту судьбоносную секунду, когда яйцо могло образоваться, а могло и не сделать этого.

– Или образоваться не с Ларисой. Но тогда волновая функция описывала бы все возможные состояния какой-нибудь Авроры, – ввернула Алена.

– Хорошо. А что на счет пусть не совсем удачного, но зато довольно известного робкому туристу мира квантовой фи-

зики термина – «квантовая запутанность».

– Переход частицы или объекта из чистой системы в систему взаимодействия с частицами и объектами окружающей среды? – Елисей вопросительно взглянул на Преображенского. – Ну, тот самый момент, когда ты видишь, что кот в коробке, там, жив или мертв, и вот система с котом, механизмом и ядром урана запуталась в реальности наблюдателя и все. Привет, Многомировая интерпретация! Привет, старина Эверетт⁴!

– Сойдет, сойдет, – быстро и коротко покивал Александр. – Декогеренция?

– Может, мне все-таки вернуться к примеру с Ларисой? – вежливо уточнил Садко. – А то все кот, да кот.

– Твоя воля.

Они не спеша направлялись к сектору «С», где стояла целая дюжина легковых корпоративных автомобилей и несколько мотоциклов. Большая часть из них была унылой серой или классической черной расцветок, но затерялась среди них и парочка промаркированных лейблами транспортных средств оттенков повеселее. Где-то позади уже повторно звякнул лифт. Заметно поредевшая группа сотрудников комплекса дружно вынесла на руках, аки фанаты своего кумира на рок концерте – камеру со статично закрепленным в ней Антихаосом, и потопала за ними следом, разбрасывая по просторному подземелью гулкое эхо своих шагов.

– Тогда давайте так. Личиночное яйцо с юной Ларисой

уже отложено и этот процесс необратим. Яйцо отложено не с Ларисой, и этот процесс необратим также. Оно не отложено, результат аналогичен. И в состоянии чистой системы, когда все три варианта были возможны и невозможны одновременно, вернуться уже нельзя, так как когерентность безвозвратно нарушена.

– Грубая, но в целом верная аналогия.

– Но погодите, погодите... – Садко даже жест руками сделал такой, будто и впрямь собирался их остановить. – Как это связано... Я ведь спрашивал, почему она так выглядела, а это...

– Дело в декогеренции, – просто ответил Александр.

– Мы думаем, что она не была низвергнута, как это предполагалось изначально. Долгие годы мы боролись над тем, чтобы победить ее, но вместо этого, похоже... замедлили. Что все равно является просто колоссальным прорывом! То есть, Антихаос должен был продемонстрировать нам статичную чистую среду с сохраненной суперпозицией макрообъекта, но в результате... – вдохновенно затрещала Алена, но быстро осеклась, взглянув на Преображенского. – Ой, прости, Саша. Можешь продолжать...

– Да ничего, – качнул головой мужчина. – Но Алена высказывает лишь одно из предположений. Мы пока не можем знать наверняка, что именно случилось, однако да, одна из версий – в результате сильно замедленной декогеренции мы смогли увидеть не суперпозицию, а все пять возможных со-

стояний макрообъекта после совершения и не совершения заданного действия внутри чистой системы. Не будем забывать, что человеческий мозг зачастую очень ошибочно представляет себе те же интегралы Фейнмана⁵, как несколько *возможных состояний вселенной*. Однако это просто трюк для визуализации интеграла по траекториям. Так что если рассматривать проект Антихаос с этой точки зрения, то намного корректнее утверждать, что все пять компонентов эксперимента существуют в нашей вселенной, все пять одинаково *реальны*, а вовсе не *вероятны*. Просто увидеть их стало возможным только сейчас и...

– Саша, тебя понесло, – ласково сообщила Шех, легонько тронув Александра за локоть.

– Да, это верно, – покаянно подтвердил он, увидев сложную физиономию Елисея.

– Время сборов! – хлопнула в ладоши Алена. И троица дружно остановилась напротив ровного автомобильного ряда.

– Садко, вот твои нейролинзы и микронаушник. Мы будем на связи, не переживай. На случай любой непредвиденной ситуации выведем тебе в поле зрения все, что необходимо.

– Во-о-от так лучше не делать! – спохватился Елисей, вспомнив, как однажды у него прямо в процессе соревновательного заезда перед глазами вдруг побежали строчки из текстового документа. – Я скажу вам, если что-то потребу-

ется, ладно?

Алена согласно кивнула, а Александр протянул ему фирменный бейдж, надпись на котором гордо гласила: «Садко Елисей Аркадьевич. Специалист тестировщик NEOSSET-транзисторов. АО "ЗАСЛОН"».

– Возвращаясь к теме... – все никак не унимался Елисей. – Почему все-таки та штука выглядела не как пять разных полноценных платформ, а заметно...

Он сделал кистями рук своеобразное обтекаемое движение, как если бы рисовал в воздухе вазу. Очень кривую вазу.

– Возможно дело в координатах. Мы при всем желании не способны увидеть весь окружающий экспериментальный объект мир. То есть, пять отдельных платформ, пять целых боксов, пять Елисеев, Саш и Ален, стоящих по ту сторону пяти стекол в пяти разных научных комплексах, понимаешь? К тому же стабилизаторы, подключенные к Антихаосу, отлично справились со своей задачей, отсюда и столь... ммм... своеобразный внешний вид у результата эксперимента, – любезно пояснила Алена, помогая ему забросить в ухо крохотный шарик с динамиком внутри. Руки у нее при этом слегка дрожали, похоже, чем скорее близился час-икс, тем сильнее она нервничала, хотя миссию по транспортировке «мульти-вселенского кошмара» предстояло выполнить вовсе не ей.

Садко надел линзы и застегнул куртку, нацепив бейджик чуть ниже воротника. Тем временем команда сопровождения Антихаоса подтащила свою драгоценную ношу к размет-

ке «С»-сектора и принялась натягивать на нее глухой чехол из очень плотного на вид материала, снабженного несколькими парами ремней безопасности. Камера проекта оказалась не такой уж большой вблизи, примерно около полутора метров в высоту и около полуметра в диагонали днища.

– Его можно будет пристегнуть прямо ко мне?

– Можно. Чехол при желании можно использовать как рюкзак, но как ты тогда... – начала было Алена.

Садко сделал два шага в направлении роскошного черного мотоцикла с алыми тонкими полосами по бокам и фирменным лейблом ЗАСЛОН-а на топливном баке. Мужчина красноречиво хлопнул железного коня по эффектному зигзагу, который составляли на вид весьма удобные сидения водителя и пассажира.

– Мне будет куда спокойнее, если его пристегнут непосредственно к телу.

– Д-да ладно, Садко... Мотоцикл?

– Пусть так, – неожиданно сухо заявил Преображенский.

Шех растерянно взглянула в его бледное, скуластое лицо.

– Здесь меньше десяти минут езды. Всего-навсего шесть километров.

– А я отличный водитель.

– Меньше возни – больше дела.

– Дорога, как зеркало. И в случае экстренного торможения камера амортизирует об меня, а я проконтролирую. Перевозка в салоне или, не дай бог, багажном отделении со-

здаст мне куда больше головной боли, поверь.

– Время тоже следует сэкономить.

Алена удивленно переводила глаза с одного коллеги на другого, немало изумленная таким единодушием, обычно Елисею с Александром несвойственным.

– Хорошо... Как скажете... – медленно проговорила она после небольшой паузы. Преображенский уже торопливо раздавал указания остальным сотрудникам касательно того, как именно необходимо будет установить камеру позади перевозчика, сколько автоматических ремней, а сколько обычных задействовать, и в который раз переспрашивал тестируемых проверили ли они работу стабилизаторов перед выносом из бокса.

Когда Садко, будучи при полном параде, уже седлал свое транспортное средство, перепроверяя каждое из креплений на поясе и груди, к нему подошла бледная притихшая Алена и снова напомнила:

– Еще раз. Если что – мы с Сашей на связи. Давай ка проверим микрофон.

– Да нет нужды, ты у меня сейчас в ухе дублируешься так, что я глохну, – улыбнулся Елисей, вставляя ключ-карту в замок зажигания.

Подножка мотоцикла с тихим шорохом сложилась, послушно прижавшись к его, ловящему блики гигантских плафонов, боку. Камера с Антихаосом, намертво пристегнутая к елисеевской спине, была надежно скрыта от внешнего мира

своим персональным чехлом, и смиренно упиралась днищем в пассажирское сиденье.

– Супер. Линзы? Подтверди, пожалуйста, синхронизацию, – Шех сделала пару скользящих движений пальцами по экрану зажатого в руках планшета. Лисьи глаза Садко, до того бледно-голубые, резко стали голубыми неоновыми.

– Не забудь, что я просил так НЕ делать без предупреждения. Очень отвлекает. Если и понадобится, то выводи картинку только после того, как я лично подтвержу переход в режим автопилота, окей?

– Договорились. Самое главное правило помнишь?

– Не оборачиваться на взрывы? – храбро предположил Садко, натягивая мотоциклетный шлем. Алена ожидаемо насупилась.

– Нет! Больше девяноста скорость не выжимать.

– Ка-ак ска-ажешь! – с ухмылкой протянул Елисей.

Колоссальных размеров рольставня, преграждавшая автомобилям путь на парковку и из нее, негромко зажужжав, медленно поползла вверх. Почти сразу в образовавшуюся меж ней и полом щель хлынул сухой разогретый, несмотря на ночное время, воздух пустыни. Огромный научный комплекс, затерявшийся среди жарких просторов Арчединско-Донских песков⁶, состоящий из двух исполинских треугольных строений, соединенных сетью небольших автомобильных магистралей, молчаливо вонзал острые шпили своих высот в звездное июльское небо. Вдоль антрацитово-чер-

ных линий автодорог, как следует освещенных белым фонарным светом, растягивался погруженный в сон жилой городок для сотрудников и студентов.

Архитекторами такая нетривиальная форма построек задумывалась, как два исполинских парусника, внешний вид которых обязан был рождать возвышенную ассоциацию, в которой эти самые парусники бороздили бы бескрайние волны песчаного моря близ Арчеды⁷, как лучшие умы всей страны бороздят самые непостижимые тайны науки. Корпуса комплекса так и назывались: «Восточный парусник» и «Западный парусник». Однако, как это нередко бывает, местные, туристы, да и сами сотрудники оказались чуть более приземленны, бессовестно и совершенно невозвышенно прозвав научно-исследовательский комплекс Кошачьи Уши. Название прижилось среди ученых и, разумеется, быстро ушло в народ. Поскольку сильно издалека «парусники» действительно выглядели так, будто за горизонтом притаилась гигантская синяя кошка.

Светлые головы от мира физики и электроники все еще сновали у Елисея за спиной, но он не обращал на это совершенно никакого внимания.

– Все готово, – как всегда лаконично обратился к нему Александр. – Тебя встретят.

– Да уж, пожалуйста, – хмыкнул Садко и одним лишь усилием мысли опустил визор на своем мотоциклетном шлеме. Однако почти сразу же поднял обратно и заговорщицки со-

общил вновь посуровевшему Преображенскому и спавшей с лица Шех, стоящей с прямой, словно стрела спиной:

– Знаете, было бы очень иронично представить, что «наблюдателем» всей этой «системы» на самом деле является Лариса, а не мы. Ну, пока, – и подмигнув озадаченным физикам, он резво сорвался с места, ныряя в душные объятия летней ночи.

А потому не мог более услышать, как Александр, сдержанно жестикулируя, вполголоса втолковывает что-то качающей головой Алене, перебиваемый мерным жужжанием опускающейся рольставни:

– Ты не понимаешь... чем меньше людей... чем компактной объект, тем лучше...

Чувство поездки на мотоцикле для Садко всегда было сродни чувству полета. Незабываемое ощущение свободы пьянило его и даровало абсолютное всепоглощающее счастье от одной лишь мысли о том, что единственно важные в эти мгновенья вещи – это его байк, он сам, дорога и ночь, объединившая их под пологом усыпанной звездами вечности.

Красно-черный Cheetah-3⁸, удивительно похожий на диковинного зверя из какого-нибудь технофэнтези, бойко рыча, стремительно мчал его туда, где мягкая синева уже слег-

ка подразмыла небесные чернила вдоль самого горизонта.

Близился рассвет.

– Садко? Слышишь нас?

Секунда. И вся магия поездки сквозь ночное лето улету-чилась так же быстро, как и воплотилась.

– Слышу, слышу, – недовольно отозвался Елисей, как только голос Алены зазвучал у него в ухе. Да так отчетливо, словно она была миниатюрным оператором, сидящим у него прямо в головном мозге.

– Мы послали запрос на активацию купола, как только был получен результат эксперимента. Поэтому можешь быть спокоен, залетных не встретишь. Путь чист, – отрапортовал вслед за Шех Александр. – Сообщи, когда успешно преодолеешь первый перекресток.

– Понял.

Прямоугольные лампы фонарей все спешнее замелькали ему навстречу. Наконец, после спуска с небольшой возвышенности показался долгожданный кольцевой разъезд, окруженный хороводом красных и зеленых огней светофоров. И несмотря на тот факт, что согласно утверждению Преображенского дороги должны были быть пусты, Елисей по старой своей привычке ответственного авто и мотолюбителя сбавил скорость, дабы затормозить. Всего на один миг в его голове мелькнула шальная мысль: «А не проскочить ли?», но он тут же отмел ее, увидев загорающийся красный, и сбрасывая скорость до тридцати километров в час.

Тут это и произошло.

Елисей даже не понял, что именно приключилось. Картинка перед визором вдруг дрогнула и пошла рябью, словно кто-то швырнул пригоршню пыли ему в лицо, автомагистраль неожиданно опасно вильнула, однако сразу же вернулась на место, а по параллельной ей, идеально гладкой албанитовой полосе метнулась вперед чья-то черная фигура на мотоцикле.

Едва не потеряв управление, все еще испытывая некоторый шок, Садко смог-таки выровнять ход своего байка и, наплевав на все светофоры не только перед собой, но и когда-либо существовавшие, практически закричал:

– Какого черта, народ?! Вы же сказали, что кроме меня здесь никого, а тут какой-то псих шпарит прямо по встречке!

– Садко! Да, я слышу тебя! Не знаю, никого не должно быть! – тут же отозвалась Алена и громко затараторила, обращаясь к кому-то подле себя. – Кирилл, немедленно разверни трансляцию с камер видеонаблюдения на экраны! И проверь активацию купола на наличие брешей! Лиза, запроси информацию со всех КПП⁹! Не въезжал ли кто? С доступом и без!

После скороговоркой обратилась уже к Елисею:

– Садко? Ты там как? В порядке?

– Я в норме. Объект цел, – мужчина принялся стремительно набирать скорость. – Кажется, он тоже направляется к восточному Кошачьему Уху. Сохраняем маршрут?

– Сохраняй, – прорезался металлический голос Преображенского. – Догонять не вздумай. Езжай строго по заданному маршруту. Скорость не выше девяноста.

– Понял, – бросил в ответ Садко, и в ту же секунду стрелка его спидометра подскочила до отметки восемьдесят пять.

Звезды, частокол фонарных столбов и огни маячившего вдалеке «парусника» бешено ринулись ему навстречу. Знакомая дорожная голограмма с зацикленной анимацией, в которой крупная шестеренка, эффектно вращаясь, распалась на красные и синие неоновые всполохи, наставительно сообщила: «Интеллект рождает мощь!», после чего рывком проскочила над его головой. Елисей совершенно случайно глянул в сторону и обомлел. «Псих» мчал по направлению к комплексу отнюдь не по встречной, а по такой же широкой цельной автомагистрали, которой... до этого Садко никогда прежде здесь не встречал.

Ошибки быть не могло. Он знал внутриконтинентальную дорожную сеть, как никто другой. И у нее были две основные, так сказать, корневые магистрали, пролежавшие параллельно друг другу и соединявшие два самых крупных подъезда к каждому из «парусников»: один для специалистов, другой – для грузов. Но вот теперь появилась и третья... Сумрачные подозрения уже тогда начали медленно закрадываться в плотное сплетение из мыслей и чувств, царивших в его стремительно анализирующем реальность сознании, но Елисей лишь отмахнулся от них, как от назойливых насекомых.

– Алена, прием!

– Да, да, я слышу тебя!

– Есть результаты по трансляциям с камер?

– Да, есть, но... но... в общем, они...

– Они вышли из строя, – Александр как всегда взял на себя ответственность сказать самое трудное. – Ничего с того момента, как ты поравнялся с голограммой дорожного знака вблизи первой кольцевой развязки. Мы тебя не видим. Не исключено, что это саботаж.

Садко старательно всмотрелся вперед, но силуэт неизвестного гонщика уже затерялся на фоне сумрачного полога, из которого подобно гранитной скале выступал массивный корпус Восточного Парусника. Холодная лапа растущей тревоги сгребла неистово бьющееся сердце в кулак.

– Ясно. Сообщите, если что выясните. Отбой, – отрезал он, на время отключая синхронизацию микронаушника.

«Так ли безопасно будет сохранять маршрут? Что если он подсечет меня практически у цели? Черт его знает... Может быть, стоит сделать крюк через жилой городок и подъехать к центральному входу, а не к подъезду для грузов?»

Тонкие белесые волны песка, наносимые ветром на черную дорожную ленту, то и дело ныряли ему под колеса. Взгляд Садко время от времени цеплялся за их гипнотичное целеустремленное движение – это помогало ему размышлять.

«С другой стороны, там наверняка закрыто. Меня ведь

ожидают именно на РПП¹⁰. Они заранее готовились. Возможно, стоит попросить ребят сообщить им о смене моего маршрута в целях безопасности?» – мужчина отрицательно качнул головой. – «Нет, это очень зря. У меня нет никаких веских причин менять его. Лучше дождаться указаний от Преображенского».

Реальность дрогнула. Совсем как в прошлый раз.

Дорога вдруг сделала решительный бросок вперед и в сторону. А очередной наездник в черном, очертя голову, рванул в пустынную мглу, следуя сызнова проложенным путем по направлению к жилому городку, в котором мирно спали все его многочисленные обитатели: студенты, лаборанты, ученые, грузчики, тестировщики... даже не подозревавшие о том, что их привычный мир, похоже, в эту самую минуту ломается на куски.

Или же это был мир только его одного?...

– Алена!!! – заорал он в динамик, теряя остатки самообладания. Неожиданный инсайт, подаривший ему понимание того, с чем он столкнулся на самом деле, заставил Елисея ужаснуться до глубины души. Он даже позабыл о том, что сам же и отключил синхронизацию, поэтому, когда Шех не ответила сразу, сердце его пропустило серию мучительных ударов. И кто знает, вероятно, остановилось бы к чертям собачьим, если бы он вовремя не вспомнил об этом.

– Алена, вы можете не пытаться вновь подключиться к камерам! Тот «псих» – это я! – вновь закричал Елисей, когда

связь была восстановлена.

– Садко, слышу тебя! Что ты имеешь в виду?

– Что имею, то и введу! – не выдержал Елисей. – «Псих» – это я, говорю!

Сам того не заметив, он ускорился почти до отметки в сто тридцать километров в час.

– Ты уверен? – раздался в голове хладнокровный тон Преображенского.

– Это повторилось! Теперь у вас целых три Елисея! Что будем делать?!

– Сохраняй маршрут. Если все действительно так, как ты говоришь, единственный твой верный путь: доставить «Антихаос» к статичным стабилизаторам восточного Кошачьего Уха. Весь комплекс под куполом. Что делать с воплощенной вариативностью решим после того, как основная проблема б...ет... устр... ххррр... а...

– Саня, ты в порядке?! Ты пропадаешь!

Динамик еще какое-то время отчаянно шипел, хрипел и плевался междометиями, а затем окончательно смолк.

– Вот жеж... – Елисей сжал зубы, мужественно сражаясь с подступающей злостью. Но все же не удержался – вмазал ладонью по рулю, выругавшись с такой страстью, что все сапожники мира не просто позавидовали бы, но и записали в блокнот.

Приближалась очередная кольцевая развязка.

«Эту проскочу!» – полыхнул было Садко, однако очень

быстро охолонул. – «Ладно... Плевать, в общем-то, на светофоры, главное вернуться в лимит скорости...».

Однако едва он успел немного замедлиться, как дорогу прямо перед ним, буквально рассекло на куски. Словно немилостивые руки Всевышнего, решившего-таки избавиться от своего незадачливого творения (в особенности – от Садко), рванули перед ним действительность с таким остервенением, будто она была истлевшим лоскутным покрывалом.

Елисей что есть мочи погнал на красный.

Елисей потерял управление, слетая в кювет.

Елисей сбавил скорость, даже не взглянув на светофор.

Елисей остановился, едва завидев желтый свет.

Он почувствовал даже через кожаную куртку и плотный чехол, как раскалилась камера с Антихаосом, крепко пристегнутая к его туловищу, она будто бы была маленьким персональным адом, неустанно следующим за ним по пятам.

«Их уже сильно больше, чем двойников Ларисы», – невольно подумалось ему.

Садко не оборачивался, меньше всего он хотел видеть то, что происходило у него за спиной. Однако осознание того, что вариативность Вселенной плодится именно из той точки, где находится Антихаос, и что если так продолжится, то кто знает, к чему это вообще приведет – уже настигло его. Радовало одно, все остальные Елисеи не пытались взаимодействовать с ним. И все дороги, ведущие их к своим судьбам, путем принятий своих конкретных решений, не пыта-

лись пересечься с его собственной.

Пока не пытались...

Он допустил всего мысль. Одну короткую мысль. А что если?

Сколько Садко себя помнил: думать, размышлять и строить предположения – всегда было безопасно и даже полезно. Но, видимо, в тот самый момент, когда крохотная божья коровка расправила или не расправила свои полупрозрачные крылышки, приготовилась ползти или, наоборот, остановилась, а может быть вовсе решила вздремнуть, порядок мироздания изменился... И теперь каждая, пусть даже произнесенная ненароком, шепотом или про себя мысль раздрабливала Универсум Садко на множественные вариации, словно вселенский повар, созидающий самый большой в мире сэндвич, непрерывно набрасывающий слой за слоем.

А что если?

Он никогда в жизни не стал бы так рисковать!

Так думал Елисей. *Но не Елисей.*

Поэтому он просто крепче сжал кисти на упругих, нагретых теплом его пальцев рулевых ручках, и упрямо продолжил заданный путь.

Поэтому он свернул на ближайшую, протянувшуюся от его собственной, автомагистраль и, едва лишь колеса его байка коснулись чуждых ему пространственно-временных координат, мгновенно сколлапсировал в ослепительной вспышке света...

– Ребята!

Микрофон молчал. Безумная ночь опрометью свистела мимо.

Садко быстро, почти реактивно размышлял, порождая все новые и новые версии самого себя. Все более странные. Все более гротескные в плане поступков, по образу мысли, по степени абсурдности принимаемых ими решений. Чем больше он сосредотачивался на том, чтобы просто не думать, тем хуже у него получалось. И даже песни из рекламы не помогали.

«Антихаос» тоже обрел себя. Упорно и неудержимо порождая столько хаоса, сколько вообще было возможно породить, исходя из его мощностей.

Боковым зрением Елисей улавливал мелькание черных силуэтов среди какофонии бесчисленных фонарных огней и голограмм. Версии автомагистральных лент ныряли в белые песчаные волны пустыни, подобно игривым дельфинам, разноцветные вспышки коллапсов ловили в свои объятия его менее удачливых собратьев, а равнодушные пески – тех, кому действительно повезло. Проклятая камера за спиной раскалилась настолько, что он уже почти не сомневался – останется ожог. Но все равно ужасно не хотелось потом отдирать футболку от хребта вместе с кожей...

Из-за дрожащей в момент очередного «деления» картинки, из-за обмана зрения в момент ветвления пути, Елисею с каждым разом было сложнее и сложнее удерживать равно-

весие, тяжелее концентрироваться на цели... И хоть до Восточного Парусника оставалось всего ничего, он все сильнее, все решительнее склонялся к тому, что «Антихаос» ни в коем случае нельзя доставлять туда, где будет больше одного человека.

Все его «сомнения» спешно снижали скорость, разворачивали мотоцикл и гнали обратно, съезжали на обочину, резко затормаживали, разбивались о фонарные столбы и даже сбрасывали камеру на полном ходу...

Садко на них не смотрел. Взгляд его был прикован к сияющей махине здания научного комплекса. Машина бесстрастно перемигивалась своими разноцветными глазами-окнами, и алый неоновый слоган: «Наука – путь к познанию истины!» парил над ней по идеальной окружности, словно гигантский inferнальный нимб.

«Сейчас!» – играя желваками на челюсти, скомандовал себе Елисей и, всего лишь немного замедлив ход, свернул с дороги напрямиком в безбрежное море Арчединско-Донских песков. Иная же реальность на всех парах понеслась туда, где ее с нетерпением ждали...

Колеса предсказуемо повело и они, захлебнувшись в рыхлой, неровной породе, поначалу двигались каждое по своей, непредсказуемой траектории, а после совсем затихли. Садко буквально свалился с байка, увлекаемый на землю тяжелой камерой. Какое-то время он просто обессиленно лежал, обреченно прикрыв глаза, а после принялся ожесточен-

но расстегивать ремни, крепко прижимающие его к исчадию квантового ада под названием «Антихаос».

Такого освобождения он, наверное, не чувствовал никогда. Ни за одну из своих возможных жизней, которые он прожил и не прожил одновременно в тишине, грохоте, во мраке и сверкании этой треклятой ночи.

Спина ужасно горела. Все тело ныло, как после добротной трехчасовой тренировки. Раскальвалась в невидимом обруче боли и жара многострадальная голова.

Садко отлепился от ненавистного Антихаоса, и вся эта квантовая какофония, наконец, оставила его, подобно какому-нибудь неугомонному злomu духу, бегущему от креста экзорциста. Мужчина поднялся, сделал пару шагов, но понял, что никуда не пойдет. И не поедет. Пусть забирают его сразу отсюда, стабилизируют этот рассадник квантово-механического сумасшествия прямо на месте, пусть делают, что хотят...

Очень кстати, но при этом совершенно неожиданно ожил динамик в недрах его правого уха. Елисей аж подпрыгнул.

– Садко! Садко! Прием! Ты меня слышишь?! – голос принадлежал Александру. И видит Бог, Садко отдал бы все на свете, чтобы увидеть в этот момент его лицо, поскольку панические нотки в голосе Преображенского были чем-то определенно новеньким.

– Да. Это я. Тот я, который я, прям я. А не тот, который я, но не я, – чуть заплетающимся языком отозвался Елисей.

Говорил он так, будто до этого оприходовал пинты три, а то и четыре славного баварского.

– Черт подери! Что там у тебя происходит?! Ты сейчас где? – Александр мгновенно взял себя в руки, и тон его стал холоднее на несколько градусов.

– На песке, – честно ответил Садко.

– На... чего? Что с Антихаосом?

– Да, да, я в полном порядке. Спасибо, что спросил. Цел, цел твой Оченьдажехаос. Разве что кукушкой слегка поехал. Трогать руками противопоказано. Так что стабилизировать приходите всей своей научной толпой прямо сюда. Место на обочине... – он покрутил головой, – ...ага... Недалеко от третьей кольцевой развязки. Третьей, считая от Западного Парусника. Справа в двадцати метрах от меня голограмма на сорок километров. Жду.

– Погоди, что зн...

Елисей разорвал синхронизацию.

Да. Вот так. Наконец-то тишина.

Завалившись под бок своего нового железного друга, и болезненно поморщившись, когда пострадавшая спина немилосердно дала о себе знать, Садко смог наконец-то вдумчиво окинуть взглядом масштаб учиненных им разрушений.

Неестественно горячий ночной воздух плотно обхватывал его со всех сторон. То тут, то там, обрывки вероятностей жутковато застыли в немом безвременьи, не то дымясь, не то рассыпаясь на невидимом человеческому глазу квантовом

ветру. Камера с Антихаосом, вкопавшись в песок, зловеще светилась синим.

Теперь-то Садко видел – она слегка треснула, как раз с того бока, с которого он почти полностью спустил защитный чехол, когда избавлялся от ремней. Стабилизаторы не выдержали. Защитный купол над комплексом тоже треснул. Несильно, но оранжевый росчерк молниеобразной трещины довольно заметно разрезал бездонный атраментовый колодец над его головой, сливаясь с ледяным светом далеких светил.

«Если б все наши мысли были реальны – мы бы сходили с ума еще до осознания того, как именно работает мысль», – утомленно подумал Елисей.

Из бреши в лежащей совсем рядом камере вдруг показалась каким-то чудом выжившая божья коровка. Садко моргнул. Жучок деловито перебрался сначала на металлическое ребро, соединявшее стекла, затем преодолел почти половину его длины, словно раздумывая, что делать дальше, а после перелетел напрямик к Садко, усевшись ему на палец.

Очень странно. Но Елисею в этот миг почему-то ужасно хотелось, чтобы это была не какая-нибудь, а *та самая Лариса*.

– Привет, козявка, – флегматично поздоровался он. – Посмотри, какой кошмар ты тут учинила.

Мужчина окинул неторопливым, скольльзящим взглядом наглядный памятник слоеному вселенскому пирогу.

– Или это мы учинили?

Мы – это я и Лариса?

Мы – это совокупность всех моих Я?

Мы – это люди?

Он запрокинул голову на все еще разогретый топливный бак своего «гепарда», всматриваясь в посверкивающую трещину на защитном куполе. Тот накрывал все эти переплетенные меж собой автомагистрали, два высоченных здания научного комплекса, жилые домики уютного городка, неоновые вывески, дорожные знаки, его самого, Ларису, в конце концов, как металлический баранчик накрывает горячее блюдо в ресторане.

– Мы все... знаешь, в какой-то степени тоже... божьи коровки...

Жучок какое-то время степенно исследовал его пальцы, но вскоре, уверенно развернув два пятнистых алых надкрылышка, бесшумно упорхнул в темноту теплой июльской ночи.

Стоило ли полагать, что ко Вселенной, в которой крохотная божья коровка способна была натворить столько занятных дел и повлиять на столько различных вещей сразу... требовался чуть более терпеливый подход?

Черный Июль

КВАНТОВАЯ
ОДИССЕЯ

Примечания автора:

РКЦ¹ – Российский квантовый центр.

МФТИ-шник² – студент МФТИ. Московского физико-технического института.

Демон Лапласа³ – мысленный эксперимент, предложенный в 1814 году математиком Пьером-Симоном Лапласом, главный персонаж которого – вымышленное разумное существо, способное, восприняв в любой данный момент времени положение и скорость каждой частицы во Вселенной, узнать ее эволюцию, как в будущем, так и прошлом.

Многомировая интерпретация или интерпретация Эверетта⁴ – интерпретация квантовой механики, которая предполагает существование, в некотором смысле, «параллельных вселенных», в каждой из которых действуют одни и те же законы природы, и которым свойственны одни и те же мировые постоянные, но которые находятся в различных состояниях. Исходная формулировка принадлежит Хью Эверетту.

Интеграл Фейнмана⁵ – функциональный интеграл, запись или результат функционального интегрирования (интегрирования по траекториям). Находит наибольшее применение в квантовой физике. Назван в честь Нобелевского лауреата по физике, американского ученого Ричарда Фейнмана.

Арчединско-Донские пески⁶ – один из самых крупных песчаных массивов Волгоградской области. Одна из самых северных пустынь России.

Арчеда⁷ – река в Волгоградской области России, левый приток Медведицы.

Cheetah-3⁸ – здесь, марка отечественного мотоцикла будущего.

КПП⁹ – контрольно-пропускной пункт.

РПП¹⁰ – разгрузочно-погрузочная площадка.